

В. М. ТИХОМИРОВ

ЛУЧШАЙШИЙ ЯЗЫК

Этот рассказ я слышал от Дмитрия Борисовича Фукса.

В тридцатые годы, спасаясь от фашизма, переехал к нам жить один математик. Звали его Стефан Бергман. Прожил он у нас недолго, но оставил след, ощутимый и поныне: сибирская школа комплексного анализа во многом обязана именно ему. (В частности, отец Д. Б. Фукса — Б. А. Фукс — был учеником Бергмана.)

Бергман был крупным специалистом в области комплексного переменного, и сейчас еще нередко можно услышать термины «представление Бергмана–Вейля», «ядро Бергмана»...

Впрочем, не все признавали авторитет Бергмана в определении этого ядра. Однажды мой добрый знакомый делал доклад, в котором касался теории функций комплексного переменного. И когда он произнес слова «ядро Бергмана», из последних рядов вдруг послышалось: «Чего-чего?» Докладчик подумал, что слушатель не расслышал, и повторил погромче и почетче: «ЯДРО БЕРГМАНА». Но снова услышал — погромче и построже: «ЧЕГО-ЧЕГО?» Недоумевая, не очень понимая в чем дело, лектор почти выкрикнул: «ЯДРО БЕРГМАНА», и тогда в ответ раздался неистовый, яростный крик: «МОЕ ЯДРО!!» Но это так, кстати.

Бергман был добрым, веселым, обаятельным человеком. К тому же у него была поразительная особенность: он говорил на всех языках! Но при этом совершенно невозможно было понять, какой же язык является для него родным.

Бергман родился в Польше (бывшей тогда частью Российской Империи), учился в Германии, потом, кажется, — в Англии, жил долго в Италии, жил у нас (сначала в Москве, затем в Томске, в конце — в Тбилиси). Из Тбилиси он уехал во Францию, где-то еще скитался и, в итоге, в разгар войны очутился в Америке. Там и остался. С 1953 года он был профессором Стэнфордского университета.

Всюду он говорил на языке той страны, в которой жил (хотя бы и не очень долго, скажем, в Грузии он говорил по-грузински). Однако поляки находили изъяны в его польском, евреи — в идише, немцы — в немецком и так далее.

А о русском — отдельный рассказ.

Приехав к нам, Бергман получил кафедру в Томском университете. Как заведующему кафедрой, ему полагалась секретарша. Он попросил подобрать ему кого-нибудь для этой работы. А надо сказать, что Томск — старинный университетский город. В те годы он хранил еще многие культурные традиции, доставшиеся ему от старших времен. Бергману порекомендовали женщину — очень интеллигентную, воспитанную и культурную. Немолодую.

Бергман пригласил ее для беседы. Один из вопросов немало смутил его собеседницу. Бергман спросил: «Вы порядочная женщина?» Почувствовав, что он допустил какую-то неловкость, Бергман пояснил, что именно он хотел выяснить. Оказалось, ему очень хотелось понять, является ли его собеседница аккуратным человеком, можно ли надеяться, что она будет в полном порядке содержать кафедральные дела...

Словом, и русский язык не был для него родным.

В середине тридцатых годов Бергман решил покинуть нашу страну. Из Томска это было невозможно сделать, и он переехал в Тбилиси. Получив приглашение на конференцию во Францию, он стал оформлять командировку и, как ни странно, получил разрешение! И тогда он написал письмо своему дорогому ученику — Борису Абрамовичу Фуксу. Обычное письмо: как идут дела, о своих последних работах, и о том, что он едет во Францию на конференцию. В письме лежал оттиск его работы, и было сказано, что его следует очень внимательно прочесть. Борис Абрамович был немало удивлен: точно такой же оттиск он получил от Бергмана раньше. Он долго смотрел на текст, не замечая никаких поправок или изменений. И вдруг он обратил внимание на корректурный знак зачеркивания в конце статьи. Там, где было написано место работы автора — Тбилисский математический институт им. А. М. Размадзе, — эти слова и были зачеркнуты. Борис Абрамович понял: это — прощание...

Но вот кончилась война, жизнь постепенно начала входить в колею. Математики стали организовывать первые международные конференции. На них Стефан Бергман был самой приметной фигурой. Английский не стал еще в ту пору языком всемирного общения. Поляки говорили по-польски (старые поляки еще чуть по-русски, но русские математики на Запад не ездили), немцы в основном владели лишь немецким, французы и до сих пор не любят учить иностранные языки... Словом, взаимное общение было затруднено.

И Бергман был незаменим. Если рядом стояли поляк, немец, итальянец, испанец, англичанин и кто-то произносил что-то забавное — интересное замечание или шутку, — Бергман тут же, прямо как фокусник, во мгновение ока переводил все это каждому на его родной язык, и все — поочередно — смеялись!

Вокруг него обычно образовывалась толпа, и где бы он ни появлялся, слышался смех, всем передавалось какое-то радостное настроение. И ощущение братства.

А однажды во время такого сеанса одновременного перевода на все языки участвовавшая в беседе дама воскликнула с неподдельным восхищением: «Боже мой, сколько же языков Вы знаете! И так свободно! А каким языком Вы владеете лучше всего? Какой у Вас все-таки лучший язык?»

Бергман ответил: «I am sure, my English is the *bestest*». Перевести это можно примерно так: «Я полагаю, что мой английский — *лучша́йший*».